

Вино мертвецов

Автор:

[Ромен Гари](#)

Вино мертвецов

Ромен Гари

“Вино мертвецов” – юношеский роман самого популярного французского классика XIX столетия. Ромен Гари, летчик, дипломат, герой Второй мировой войны, блестящий романист и великий мистификатор, был дважды награжден знаменитой Гонкуровской премией: первый раз в 1956 году как Гари, второй – в 1975-м как Эмиль Ажар.

У этого романа, единственного, подписанного его настоящим именем – Роман Кацев, – удивительная судьба. Рукопись, подаренная автором подруге юности, считалась навсегда утраченной. Однако спустя полвека она обнаружилась на аукционе, и к столетию писателя книга наконец увидела свет.

В популярном средневековом жанре “пляски смерти” Гари повествует о невероятных похождениях своего подвыпившего героя на том свете. Начинаящий сочинитель дает полную волю буйному воображению и сарказму. Его карикатурные мертвецы от души паясничают, копируя живых людей. В романе намечены сюжеты многих известных произведений будущего Гари-Ажара. Выход книги стал сенсацией во всем мире.

Ромен Гари

Вино мертвецов

Предисловие

Что было бы для меня самым страшным несчастьем? Потерять рукопись законченного романа.

Ромен Гари "Ливр де Франс", № 3, 1967 г.

Тридцатое июня 1981 года: издательство "Галлимар" публикует сообщение, из которого литературный мир узнает, кто же скрывался под псевдонимом Эмиль Ажар: "Эмиль Ажар – это Ромен Гари. Скоро появится книга, в которой писатель сам в этом признается". Три дня спустя Поль Павлович, племянник Гари, который долгое время считался подлинным Ажаром, подтверждает это признание по телевизору. А еще через несколько дней выходит в свет обещанная книга Гари "Жизнь и смерть Эмиля Ажара".

В этой короткой посмертной публикации Гари прямо связывает рождение Ажара со своим первым романом "Вино мертвецов":

Этот роман о смятении, панике молодого человека перед жизнью я писал с двадцати лет... так что друзья моей юности Франсуа Бонди и Рене Ажид спустя четыре десятилетия узнали в "Псевдо" два отрывка из "Вина мертвецов"[1 - Здесь и далее цитаты из "Жизни и смерти Эмиля Ажара" в переводе И. Кузнецовой. (Здесь и далее – прим. перев.)].

Публикация вызвала множество толков, но никто не удивился упоминанию неизвестного романа, который Гари называл ключевым для всего своего творчества. Почему? Да потому, что, как ни парадоксально, о "Вине мертвецов" до той поры не слышал никто, кроме друзей детства.

Роман Кацев – в Ромена Гари он превратится лишь в 1945 году с появлением романа "Европейское воспитание" – родился 21 мая 1914 года в Вильне (ныне Вильнюс), в то время входившей в состав Российской империи. Мать его звали Мина Овчинская, отца – Арье-Лейб Кацев, он был еврей, торговец мехами. Подлинная биография Гари, особенно история ранних лет его жизни, теперь хорошо известна благодаря трудам Мириам Анисимов[2 - См. Мириам Анисимов. "Ромен Гари. Хамелеон". Изд-во "Деком", 2007.]. Из рассказов самого Гари в книгах "Обещание на рассвете", "Ночь будет спокойной" и многочисленных

интервью вырисовывается другая версия, основа легендарного образа Гари, будто бы родившегося в Москве от мимолетной связи матери-актрисы с великим актером русского немого кино Иваном Мозжухиным.

На самом деле в детстве Роман жил с матерью; отец его был мобилизован в русскую армию, вернулся лишь по окончании войны, в 1921 году, а в 1925-м Мина и Арье-Лейб расстались. Роман и Мина перебрались из Вильны в Варшаву, потом, в августе 1928 года, когда Роману было четырнадцать, во Францию. Обосновались они в Ницце – там уже жил брат Мины, дед того самого Поля Павловича, который в 1975 году выступит в качестве подставного Эмиля Ажара. В следующем, 1929 году Мина станет управляющей семейным пансионом “Мермон”, расположенным неподалеку от православной церкви, почти у самого моря. Здесь Роман – для одноклассников уже тогда Ромен – провел тревожные отроческие годы, здесь же он начал писать. В Ницце были написаны его первые рассказы, сказки и первые наброски романа – будущего “Вина мертвецов”.

“Я начал писать еще в девять лет по-русски”, – скажет Гари в “Смысле жизни”[3 - “Смысл жизни” – опубликованная в 2014 г. в издательстве “Галлимар” расшифровка последнего интервью Ромена Гари канадскому радио.]. А в “Обещании на рассвете” уточнит, что почувствовал свое призвание в тринадцать лет:

Вот уже год с лишним я “писал” и заполнил стихами не одну школьную тетрадку. Причем старательно записывал их печатными буквами, чтобы было похоже на настоящую публикацию.

В Ницце он продолжает эти опыты и посылает свои сочинения разным издателям под псевдонимами. “Великий французский писатель не может носить русское имя”, – говорила Мина. В 1933 году Ромен поступил на юридический факультет университета в Экс-ан-Провансе. Ему девятнадцать лет, и он вплотную приступил к “Вину мертвецов”. “Все свободное время я просиживал в кафе “Дё Гарсон” на бульваре Мирабо, под сенью платанов и писал роман”. В следующем году он уезжает учиться в Париж и продолжает писать: “Я запирался в своем крошечном гостиничном номере и, прогуливая занятия на юрфаке, писал как одержимый”. Труды его увенчались успехом: 15 февраля 1935 года в еженедельнике “Гренгуар” был напечатан его первый рассказ “Гроза”, а 24 марта – второй, “Маленькая женщина”. Это единственные произведения, подписанные именем Ромен Кацев.

Всерьез за “Вино мертвецов” Ромен принялся в 1933 году в Эксе и работал над ним вплоть до 1937-го. Известно, что и позднее он неоднократно переделывал роман, например, в июне 1939 года в Швеции, когда жил у своего друга Сигурда Норберга и пытался в последний раз увидаться с Кристель Сёдерлунд. С этой рукописью он не расставался никогда. Как сказано в “Жизни и смерти Эмиля Ажара”: “...бросал, начинал снова, таскал за собой рукопись через войны, по морям и континентам”. И когда он пожелает отойти от ипостаси Гари и вернуться в обличье молодого Ромена Кацева, но под именем Эмиля Ажара, то обратится к “Вину мертвецов” как к исходному тексту. К нему восходят сюжетные линии “Голубчика” и гниющей в своем “еврейском логове” мадам Розы[4 - Имеется в виду финал романа Эмиля Ажара “Жизнь впереди”: старая мадам Роза ушла умирать в подвал, где она пряталась во время оккупации (“еврейское логово”), и долгое время там лежал ее разлагающийся труп.], а два его отрывка почти дословно воспроизведены в “Псевдо”.

С Кристель Сёдерлунд Ромен встретился в Ницце в июле 1937 года. Эта молодая шведская журналистка приехала из Парижа на Лазурный берег с двумя подругами. Как пишет биограф Гари Мириам Анисимов, “он сразу влюбился в Кристель, которая вела невероятно свободный образ жизни. В то время она разводилась с мужем, маленького сына оставила на попечение матери, а сама отправилась в Париж, чтобы добиться профессионального успеха”.

Бурная связь Ромена и Кристель (она выведена в “Обещании на рассвете” под именем Бригитты) продлилась почти год, с июля тридцать седьмого по апрель тридцать восьмого, когда Кристель по редакционному заданию перебралась из Парижа в Вену, чтобы освещать аншлюс. Долгое время они переписывались, а в июне 1939-го Ромен поехал в Стокгольм и безуспешно пытался снова увидаться с Кристель, которая вернулась к мужу. Ромен очень тяжело пережил разрыв и никогда не забывал Кристель. Еще много лет он писал ей письма, неизменно полные любви.

Скорее всего, именно в начале 1938 года, когда Кристель уезжала в Вену, Ромен подарил ей рукопись “Вина мертвецов” – быть может, как залог вечной любви.

До апреля тридцать восьмого Ромен и Кристель жили вместе в Париже, в гостинице “Европейская”, а напоследок, перед отъездом, Ромен пригласил ее на неделю в Ниццу. Расставание было волнующим: Мина подарила Кристель две

шляпки с цветами, которые сделала в бытность модисткой, а Ромен “со слезами на глазах преподнес ей когда-то полученное от матери кольцо с черным камнем, оправленным мелкими бриллиантами”, и, вероятно, рукопись “Вина мертвецов”. Молодой писатель отправил эту свою книгу в несколько издательств и возлагал на нее все надежды. Но вскоре надежды рухнули – отовсюду пришли отказы. В “Обещании на рассвете” Гари с иронией рассказывает, как издатель Робер Деноель прислал ему длинный анализ “Вина мертвецов”, написанный Мари Бонапарт. Действительно, Деноель, ошарашенный невероятно дерзким романом, послал его на отзыв принцессе Мари Бонапарт, известной как крупный психоаналитик и близко знакомой с самим Фрейдом. Текст рецензии не сохранился, но Гари с нескрываемой досадой пересказал ее в романе:

Все совершенно очевидно. Я страдал комплексом кастрации, фекальным комплексом, во мне обнаруживалась склонность к некрофилии и прочие мелкие расстройства, вот только эдипова комплекса не оказалось – почему бы это?

И описал свою реакцию на эти обличения:

Я впервые почувствовал, что чего-то стою и что, пожалуй, начал оправдывать материнские чаяния.

Через год, в письме от 11 февраля 1939 года, Ромен поделился с Кристель своим разочарованием:

Я потерпел неудачу на литературном поприще... ты, верно, слышала. Но не отчаиваюсь и ни от чего не отступаю. даже от тебя!

Речь идет об отказах издателей опубликовать “Вино мертвецов”, о них же Гари вспоминает на первых страницах автобиографического текста “Ночь будет спокойной”[5 - “Ночь будет спокойной” – автобиографический текст в виде придуманного диалога с Франсуа Бонди, другом детства Гари, который дал согласие на то, чтобы Гари сам сочинил и вопросы, и ответы.], когда Франсуа Бонди будто бы говорит ему:

В 1935–1937 годах я часто встречался с тобой в гостинице “Европейская” на улице Роллен. Ты вечно рыскал, где бы занять пару франков, а в остальное время сидел в своей комнатухе и писал. Издатели возвращали рукописи твоих романов, потому что они “слишком грубые, нездоровые и непристойные”. Так ответили Галлимар и Деноель.

Рукопись “Вина мертвецов” – представляет собой 331 непереpletенный лист порывшей от времени бумаги, первый и последний из которых сильно потрепаны из-за плохих условий хранения. Сверху на титуле заглавными буквами написано имя автора: РОМЕН КАЦЕВ, а посередине название романа: ВИНО МЕРТВЕЦОВ. На 331-й странице последние слова – “в огромной паутине”; потом надпись “Конец”, дата – “Январь 1937” и наискось – собственноручная подпись Ромена Кацева.

Ромен подарил эту рукопись Кристель, которая хранила ее до 1992 года, когда она была выставлена на аукцион в Париже.

Поначалу “Вино мертвецов” кажется причудливой сказкой, действие которой разворачивается под землей, в кладбищенских недрах, где, как оказывается, существует некая жизнь после смерти. Это своего рода “мир наизнанку”, “зазеркалье” в духе Льюиса Кэрролла, смесь юмора, абсурда, nonsense, солдатского фольклора и кровавого фарса на фоне ужасов Первой мировой войны, которая постоянно так или иначе присутствует в тексте. Напомним: Гари родился в 1914 году, когда началась война; отец его был призван в русскую армию, и военные события наложили отпечаток на его детство. В творчестве Ромена Гари очень громко звучит тема Второй мировой и ее последствий и почти никак не затронута Первая, хотя она не могла не оказать большого влияния на будущего писателя.

Итак, Тюлип, герой романа, бродит по запутанному лабиринту кладбищенского подземелья, где кишат живые мертвецы – гротесковые карикатуры на земное общество. Ему попадаются персонажи, характерные для ныне исчезнувшего межвоенного мира: монахи и монашки, пехотинец-окопник с его героическими историями, солдаты немецкой армии, полицейские и шлюхи, кронпринц и его министры... а то и более живописные существа: распутные святоши, учитель-педофил, неизвестный солдат, оказавшийся немцем, раскаявшийся самоубийца,

покойница, которая грозитя покончить с собой.

На первый взгляд “Вино мертвецов” представляется чередой скетчей (в изначальном смысле слова – набросков). Всего можно выделить три с лишним десятка тем, пронизывающих текст и позволяющих хоть как-то разделить на эпизоды это длинное, сплошное повествование[6 - В настоящем издании 22 таких эпизода выделены как отдельные главы.].

Можно наметить три уровня прочтения романа. Первый – фантастический слой, состоящий из сюжетов, вложенных друг в друга, как матрешки, с вкраплениями подходящих к случаю еврейских шуточек. Извилистый подземный ход служит нитью Ариадны в этом лабиринте.

Второй уровень – очевидная, пронизывающая всю повествовательную канву, грандиозная метафора: “Что, если жизнь – всего лишь пародия на смерть”. Эта “перевернутая” оптика дает прекрасную художественную возможность отбросить все условности и правила приличия.

Наконец, третий уровень – злая сатира на буржуазное общество межвоенных лет. Недаром, как свидетельствует Мириам Анисимов, на машинописной версии “Вина мертвецов” стоял подзаголовок “Буржуазия”. Эта направленность характерна для всего творчества Гари. Даже смерть, показывает он, не уничтожает слабости и мерзости буржуазии: суетливость, гордыню, мстительность, лицемерие, цинизм, ревность, продажность. Даже смерть бессильна против причуд и извращений любви, ненависти, жажды власти. Вопреки посулам великих монотеистических религий, загробный мир ничуть не лучше земного, он – зеркальное отражение нашего мира, и подчас еще более гнусное, чем оригинал.

Идея “зазеркалья”, куда приглашает нас “Вино мертвецов”, как кажется, навеяна рассказом “Король Чума” Эдгара По, который Ромен читал в юности. Сходство бросается в глаза. В рассказе По двое в дымину пьяных матросов (вино развязывает языки), спасаясь от разгневанного кабатчика, попадают в заброшенный, опустошенный эпидемией чумы район Лондона. Они перескакивают через преграждающие доступ барьеры – нарушают запрет – и углубляются в зачумленные кварталы. Посреди развалин, в подвале лавки гробовщика, они натываются на компанию облаченных в саваны мертвецов,

которые хлещут вино под предводительством адского короля Чумы. Это выходцы из преисподней, где все пьянствуют и развратничают.

Мы собрались здесь, – говорят они, – чтобы... испробовать и до конца распознать... природу и бесценные вкусовые свойства вина, эля и иных крепких напитков. во славу неземной владычицы, которая царит над всеми, владения коей безграничны, – имя же ей – Смерть![7 - Перевод Э. Березина.]

Под конец этой плюющей в лицо всякой морали истории друзей приговаривают к штрафу – они должны выпить по галлону рома; матросы устраивают побоище и спасаются бегством, прихватив с собой единственных двух женщин, которые нашлись в царстве мертвецов. Преемственность Эдгар По – Ромен Кацев неоспорима: там и тут вино и подземный мир. Можно предположить, что этот рассказ произвел глубокое впечатление на молодого Романа, задел в нем какие-то чувствительные струны, пробудил литературные ассоциации, связанные с образом живых мертвецов, и в конечном счете лег в основу его первого романа.

Однако, помимо темы мрачного потустороннего подземелья, в котором разворачивается действие романа, в нем прослеживается еще один важный лейтмотив: пансион “Мермон”.

Это место служило для Романа неисчерпаемым источником вдохновения; жильцы пансиона, во всем разнообразии их судеб и характеров, превращались в персонажи молодого писателя. Гари не раз вспоминает пестрый, колоритный мир пансиона “Мермон”. Например, в “Обещании на рассвете”:

Итак, фасад перекрасили, фундамент укрепили, и отель-пансион “Мермон”... распахнул свои двери перед “постояльцами со всех концов света, гарантируя им покой, комфорт и стильное убранство”, – цитирую первый рекламный проспект слово в слово, поскольку сам его и сочинял. Тридцать шесть комнат на двух этажах и ресторан, всей obsługi: две горничных, один официант, шеф-повар и судомойка; дела с первого дня пошли в гору.

Отель-пансион располагался на трех последних этажах, Ромен и его мать Мина занимали комнатки на седьмом и восьмом, наподобие мадам Розы из романа “Жизнь впереди”, которая жила “на седьмом без лифта”. Перед юношей разворачивается череда человеческих типов. “Мне уже исполнилось шестнадцать, но людские контрасты в таких мощных дозах обрушились на меня впервые”. У каждого жильца обнаруживались свои причуды. “Месье Заремба снял комнату на “пару дней”, а остался на год”. Тот самый месье Заремба, что “целыми днями играл на пианино в гостиной восьмого этажа – вечный Шопен, приправленный чахоткой” (“Ночь будет спокойной”).

В “Вине мертвецов” пансион “Мермон” превратился в номера, которые держит супруга главного героя. “Вот у моей жены был постоялец.” – на каждом шагу приговаривает Тюлип. Десяток раз возникает на страницах романа семейный пансион, где Тюлипа с супругой (читай Ромена и Мину) постоянно будят среди ночи шум и крики; они прибегают и видят интимные подробности или тайные стороны жизни своих квартирантов, – точно так же открывалась изнанка жизни Ромену. “Вот у моей жены был постоялец” – бывший лакей известного министра, служащий ведомства изящных искусств, учитель-педофил, певец русского казачьего хора месье Никола, заядлый онанист, кюре, не верящий в чудеса... Множество персонажей, позволяющих рассказчику вставлять в свою историю другие истории, связанные единством места – семейным пансионом.

“Мермон” стал для будущего писателя настоящей творческой лабораторией. Именно там он вместе с матерью мечтает о литературной карьере (он станет большим артистом – тем, чем мечтала стать его мать), там начнет складываться образ Гари, который вскоре заменит Ромена Кацева, этого явного чужака, которого выдает фамилия – иностранная, да еще и еврейская в придачу. В “Мермоне” написаны первые рассказы, первые сказки, первые романы, там он приобретает первый любовный опыт, проходит трудную подготовку к жизни, которая у него впереди.

О псевдонимах писателя, дважды получившего Гонкуровскую премию – как Ромен Гари за “Корни неба” в 1956-м и как Эмиль Ажар за “Жизнь впереди” в 1975 году, говорилось очень много. Однако известны не только эти два, но и дюжина других псевдонимов, гетеронимов и прозвищ. В семейном пансион-лаборатории Гари примеряет разные личины: “.мы сошлись на том, что этот псевдоним [Франсуа Мермон] нехорош, и следующую книгу [“Вино мертвецов”] я написал под именем Люсьена Брюлара” (“Обещание на рассвете”). Этот

изумительный псевдоним – сочетание Люсьена Левена, героя одноименного романа Стендаля, и Анри Брюлара, двойника Стендаля (под этим именем он изобразил себя в автобиографической повести). Такой выбор свидетельствует о том, как важна для Гари символическая преемственность со Стендалем, хоть он о ней и умалчивает. Заметим, однако, что в имени Br?lard Гари ставит надстрочный знак, которого нет в стенда-левском гетерониме. Это воспринимается как отсылка к глаголу br?ler – по-русски “гореть”, в повелительной форме – “гори”, что звучит так же, как Гари. Ромен подтверждает эту догадку: “Это приказ (гори!), от которого я никогда не уклонялся, ни в творчестве, ни в жизни” (“Ночь будет спокойной”).

Филипп Брено

Мухлюешь![8 - Разделение текста на главы и сами названия глав принадлежат публикатору романа Филиппу Брено.]

Тюлип перелез через кладбищенскую ограду и мешком рухнул по ту сторону. Но тут же встал, покряхтел, прошел, шатаясь, несколько шагов, наткнулся на какой-то крест и вцепился в него, чтобы не свалиться.

– Мухлюешь! – вдруг проскрипел где-то совсем близко хриплый голос.

С испугу Тюлип выпустил крест и резво отскочил в потемки.

– Мухлюешь! – злобно повторил тот же голос. – Как это, как это я мухлюю? – плаксиво пробубнил Тюлип.

После минутного молчания голос заговорил еще отчетливее:

– А я говорю, мухлюешь! Ясно?

- Нет! Не мухлюю я! - заорал Тюлип.

Снова молчание, подольше прежнего.

- Это что такое было? - осведомился тот же голос. - Слышал, Джо?

- Ну, мало ли... - ответил ему другой, лениво-безразличный. - [...]9 - В этом месте не хватает слова - рукопись повреждена.] или еще что... Да я вроде ничего и не слышал.

Тюлип от ужаса не мог ни шевельнуться, нидохнуть. Волосы на голове поднялись дыбом. Затряслись поджилки. Застучали зубы.

- Да черт возьми, Джо! - взъярился первый голос. - Опять мухлюешь, мерзавец!

- Больно слышать, как ты ругаешься, Джим, - невозмутимо ответил второй. - Эта твоя привычка и при жизни-то была отвратительна, а уж покойнику она тем более не к лицу!

Тюлип едва не лишился чувств.

- Спасите! - пискнул он.

Рванул с места, потерял равновесие, судорожно схватился за первое, что подвернулось под руку, оно обломилось, и Тюлип, дико взвизгнув, рухнул куда-то вниз. Приземлился, ударился головой, однако боли не почувствовал, а вскочил на ноги и, скрючившись, застыл с раскрытым ртом, готовый истошно завывать. Место, куда он попал, освещал лишь тусклый огарок свечи, установленный на чем-то вроде стола. Но выглядел этот стол странновато, а пожалуй что и страшновато. От удивления Тюлип забыл закрыть рот - так и пялился, с отвисшей челюстью и вылупив глаза. Столешницей, судя по всему, служила крышка гроба. Но самая жуть - это ножки. Вернее, ноги, а еще вернее - берцовые кости. Четыре воткнутых в землю берцовых кости, а на них крышка от гроба - такой вот стол.

- Говорил я тебе, Джо, там, наверху, кто-то есть, а? Прислушался бы хорошенько, так и сам бы заметил. Но где там, Джо, ты не ничего не слышишь,

тебе бы только мухлевать!

На вид произнесший эти слова был древним-древным, дряхлым-дряхлым старцем. Седые космы свисали на лицо, так что виднелся только кончик острого носа. Тщедушный, маленький, он был одет в старомодный сюртук и панталоны в обтяжку. То и другое неопределенного грязно-зеленого цвета.

Двигался хозяин этого костюма крайне осторожно, будто боясь за его сохранность, а потому каждое движение получалось комически плавным и величавым. Тюлип ошеломленно глядел на диковинного старца. Тому это, видно, не понравилось, и он хрипло осведомился:

- Чего zenки вылупил, парниша? Никогда не видал джентльмена?

Тюлип, словно не расслышав, еще какой-то миг тарачился на старика и вдруг разразился залившимся смехом.

- Ха-ха-ха! - Его так и корчило. - Ха-ха-ха-ха!

Щуплый Тюлип трясся от хохота и даже непроизвольно приплясывал на месте.

- Ох-ха-ха!

Старикашку это неуместное веселье довело до белого каления.

- Пусть меня вздернут, Джо, - закричал он в бешенстве, но избегая резких движений, дабы не повредить костюм, - пусть меня вздернут, если этот хмырь, от которого разит сивухой, надо мной не издевается! Смеется мне в лицо - пусть меня вздернут, коли не так!

- По второму разу никого не вздернешь, Джим. По второму разу - никак.

Приятель Джима, бросивший этот мрачный намек, походил на него как две капли воды. Такой же сухонький, такой же коротышка, в таком же допотопном сюртуке и панталонах в обтяжку. С такими же седыми космами, что заслоняли лицо и смешно колыхались при каждом его слове.

- Чем отпускать дурацкие шуточки, лучше сказал бы, Джо, откуда взялся этот парень и почему засыпал грязью наш стол и наши чудные картишки. Вот это было бы гораздо лучше, Джо. Но ты вечно, с того самого дня, как мамаша произвела нас с тобою на свет, делаешь не то, что надо. Так-то вот, Джо!

- Что ж, Джим, таким я, видно, уродился. А что за фрукт этот чудак, лучше спросить у него самого.

Оба старикана, как по команде, повернулись к Тюлипу и строго на него уставились.

- Э-э... - промычал он в замешательстве. - Э-э... Я это... я тут переночевать собрался.

- Слышал, Джо? Нет, ты слышал, что он сказал?

- Слышал, Джим. Не глухой.

- И что ты на это скажешь, Джо? Что до меня, то я с самой смерти ничего забавнее не слыхал.

- И я, Джим, сроду ничего забавнее не слыхал.

- Позволим ему провести тут у нас ночку, а, Джо?

- Право, не знаю, Джим. Право, не знаю.

- Ну, так я сам тебе скажу, Джо. И не подумаем! Наоборот - предложим этому молодчику убираться подобру-поздорову! Да еще, сдастся мне, Джо, и сами ему поможем. Верно, Джо?

- Верно, Джим. Совершенно верно!

Старикашки стали надвигаться на непрошеного гостя. Шаг! У Тюлипа словно отнялись ноги. Еще шаг! Тюлип ни с места. Вдруг они обеими руками обхватили свои головы, проворно сдернули их с плеч и, как по команде, сунули под нос Тюлипу.

– У! У! У! – страшными голосами взвыли зажатые в костлявых лапах головы, зажмурив правый глаз и вытаращив левый, высунув черные засохшие языки и яростно тряся космами. – У! У! У!

– Спасите! – заорал Тюлип.

Он крутанулся на месте, помчался с места в карьер и очутился в длинном проходе, там стояла темень, сырость и воняло кошками. Вскоре старикашки остались далеко позади. Однако же он еще долго слышал их голоса.

– Чертовски здорово сработало, а, Джо? Видал, как он перепугался? Небось в другой раз не скоро сунется!

– Не скоро, Джим, это точно. Оглушило его будь здоров! Ну что, сыграем еще?

– Отчего бы и не сыграть?

Голоса затихли, но спустя мгновение до Тюлипа донеслось:

– Черт тебя побери! Опять мухлюешь, Джо, мерзавец!

– Да не мухлюю я, Джим! Тебе, видать, померещилось!

– А покажи-ка, Джо, что у тебя в рукаве! Спорим, ты там туза припрятал?

– А вот и нет, братец Джим, вот и нет, ошибся! Не туза, а короля.

– Так бы и дал тебе, братец Джо, хорошего пинка под зад! За милую душу!

– Весьма вульгарное желание, позволь тебе заметить, Джим!

– И все-таки не знаю, что меня удерживает!

– Не знаешь? Хм! А я могу сказать! Ты просто-напросто боишься шевельнуть ногой. Чтобы твои драгоценные штаны не лопнули!

Голоса отдалялись, стихали, заглохли... и кругом воцарилась мертвая тишина.

Легаш-громадина

- Ну и ну... - боязливо лопотал Тюлип.

Его шатало и бросало из стороны в сторону в кромешной темноте, как ослепшее суденышко в штормовом океане. - Что за чертовщина со мной творится. Жена не поверит, опять скажет - примерещилось спьяну! Вдуматься хорошенько - в пору в штаны наложить... и так уж невтерпеж... Но думать, размышлять - вреднящая привычка... только начни - тут тебе и крышка, глазом моргнуть не успеешь... Иэк! - Он рыгнул в кулак. - Вот у моей жены был постоялец... такой, с шикарными бакенбардами... бывший лакей одного важного министра. И вот он рассказывал, что этого министра угораздило ужасно разжиреть... жутко... постыдно... на откормленную свинью стал похож! Он уж на люди боялся выходить. Над ним все смеялись. Издевались. Свистели ему вслед. Орали: "Улюлю! Ворюга! Грабитель! Вон! Долой! Отъел рожу, хряк! Нашей крови напился!" Позвали наконец врача. Тот осмотрел его... пощупал... постукал... понюхал... послушал уши... заглянул в зубы... засунул палец в зад. И говорит: "Все ясно! Пустяки! Ерунда! Проще простого! Элементарно! Четверть часика хорошего раздумья по утрам... натошак! Но не больше! Ни в коем случае! Ни под каким предлогом! Ровно четверть часа! Иначе передозировка... тяжелые последствия... непредсказуемые осложнения... назальный паралич... Скоротечно! Летально!" Ладно. На следующее утро министр дергает звонок... зовет лакея... Тот тут как тут... бегом по лестнице... бакенбарды вразлет... заходит... "Родольф, мой завтрак!" - "Ваше превосходительство изволили забыть? Сначала четверть часика раздумья... а уж потом жратва!" Ну, ладно. Наш Родольф выходит... бегом по лестнице... бакенбарды вразлет... И вдруг - ужасный вопль! Истошный рев! "О, черт!" Бегом назад... бакенбарды вразлет... и что он видит? Министр... на полу... в луже крови... мычит... кошмар! "Умираю! Родольф! Падение! Крах! Провал! Непоправимо! Слишком поздно!" Раззявил рот и отдал Богу последний свой портфель! Вдова потащила врача в суд и выбила-таки компенсацию за причиненный ущерб... Медицинская ошибка... серьезная... непоправимая! Эксперты единодушны... четверть часа раздумья натошак - это слишком! Надо было начать с десяти секунд и увеличивать дозу... постепенно... потихоньку... до двух минут, не более! А четверть часа вот так, разом - прямое убийство!

Темный проход вдруг уперся в тупик, точнее в дверь, перед которой сидел на могильной плите громадный легаш. Пузатый, волосатый, поперек себя шире, это страшилище со скудно светящейся свечкой в руке. Он курил трубку, хотя прямо у него над головой надпись мелом на стенке могилы гласила: “Курить запрещается!” Из одежды, не считая ветхого выцветшего кепи, на нем была только изъеденная червями пелерина, она доходила до середины спины, а дальше – голое тело, зеленое, мосластое. Ноги утопали в тяжелых корявых сапогах с отвислыми подметками, так что длиннющие замшелые пальцы торчали наружу.

– Нэк! – струхнув, икнул Тюлип.

Легавый, не замечая его, по-собачьи поскреб в затылке и что-то вытянул двумя пальцами. Добытая тварь возмущенно трепыхалась, а легаш выпустил клуб едкого дыма и довольно громыхнул:

– Попался!

– Будь ты проклят! – пропищала тварь.

– Тысяча девятьсот девяносто первый! – гаркнул легаш и придавил добычу сапогом.

– Иэк! – икнул Тюлип, оцепенев от страха.

Легавый же его в упор не видел. Теперь он стал с остервенением скрести себе грудь и скоро снова обдал Тюлипа черным вонючим дымом:

– Тысяча девятьсот девяносто второй!

В руке у него извивалась пойманная тварь, и он разглядывал ее, ликуя:

– Что, попался?!

– Кретин! – пропищала тварь.

- Мразь! - изрыгнул легаш и придавил добычу сапогом.

- Иэк! - икнул Тюлип.

Он извлек из кармана окурок, потянулся, привстав на цыпочки, к свечке и робко спросил:

- Дашь, дядя, огоньку?

Надо же завязать разговор, хоть какой-никакой...

- Тысяча девятьсот девяносто третий! - рявкнул легаш, вытянул нового червяка из пупка и уже занес ногу.

- Умру, но не сломаюсь! - отважно пропищал червяк.

- Так получай! - взревел легаш и опустил сапог.

- Иисусе! - пискнул червь и испустил дух.

- Иэк! - икнул Тюлип. - Дай, дядя, огоньку!

- Видали? Это еще что такое? - удивился легаш. Схватил Тюлипа за шкуру, поднял, обнюхал и поднес к кишасшим червями глазницам.

- Ой, мама! - завизжал Тюлип и забарахтался на весу.

- Слюнтяй какой-то! - решил легаш и разжал пальцы.

Тюлип упал на землю, а легаш-громадина занес сапог, но топнуть не успел - так с задранной ногою и застыл и давай скрести себе спину...

- Тысяча девятьсот девяносто пятый! - гаркнул он, потрясая рукой.

- Смерть легавым! - пропищала пойманная тварь. Легаш не дал ей продолжить - с размаху раздавил сапожищем.

- О-огоньку? – пролепетал Тюлип. – Огонечку... Смерив его брезгливым взглядом, легаш снова выпустил изо рта вонючее черное облако:

- Здесь курить запрещается!

Но в ту же секунду дернулся и топнул ногой:

- Ага, тысяча девятьсот девяносто шестой!

- Имя мне легион! – гордо вымолвил червь, прежде чем проститься с жизнью.

Тюлип сунул окурок обратно в карман, собрал все свое мужество и ринулся на приступ преграждавшей ему путь великанской ноги, цепляясь за волосины, чтобы не сорваться. Штурм увенчался успехом, Тюлип, живым и невредимым, оказался за спиной у легаша, утер выступившие на лбу капли холодного пота, толкнул заржавевшую дверь и тут же получил обильный плевок в правый глаз.

- Что за шутки? – возмутился Тюлип.

Двое крошек-легашечек в штатском сидели под ручку на гробу, а в свободной ручке держали по зажженной свечке. Вид у обоих был довольно неопрятный, прямо скажем, неряшливый вид: расстегнутые жилеты, распушенные пояса, – должно быть, для большей вольготности. Одутловатые физиономии отражали самую чистую радость и самое светлое блаженство, какие только могут расцвести на лице мертвеца. Оба смачно хохотали хрипловатыми, но не вовсе лишенными приятности голосами, а шляпы-котелки, разделяя веселье хозяев, задорно подпрыгивали у них на головах.

- Что, говорю, за шутки? – повторил Тюлип, старательно утирая глаз.

- Ну, видишь ли, дружище... мы тут... ах ты! – Он проворно нагнулся и ухватил себя за ногу.

- Поймал? – спросил второй легашик.

- Поймал! – ликующе отозвался первый. – Да какого здорового!

И поднес червяка к желтому пламени свечи.

– Сыночек! Братик! – заверещали голоса, идущие, казалось, из его утробы. – Любимый мой! О горе!

– Мужайтесь, други! – храбро отвечал им пойманный червяк. – Да, я умираю... Но, знаете, я нассал ему в ладонь!

И скукожился на огне, послав палачам последний вызов – звучный треск.

– Здоровый! – повторил первый легаш. – Небось из главарей!

– Это что! – сказал второй. – Мои длиннее и жирнее. Глянь!

Он вытянул что-то белое из подбородка и тоже поднес к свечному пламени.

– Свобода, милая свобода! – пропищал червь, содрогаясь в предсмертных корчах. И скукожился, как предыдущий.

– Ничего! – одобрил первый. – Но мои понастырнее, вгрызаются глубже. И позиции выбрали отменные – окопались в печенке и в сердце.

– Еще один, что ли? – вскинулся он вдруг.

– Ага! – сказал второй. – Нынче ночью я в хорошей форме – ни одного не упустил!

Он поднес и этого пленника к свечке и участливо спросил:

– Что, нравится?

– Нравится, – с ненавистью отвечал червяк, корчась в огне. – Еще как! Ой-ой-ой! Но все равно мы победим!

– Так вот, – как ни в чем не бывало продолжил первый легаш, обращаясь к Тюлипу, – мы, видишь ли, дружище, стараемся покрыть плевками вон те три слова на двери: “свобода, равенство, братство”. Кто первый закончит, тот

выиграл. Такая безобидная игра.

– Это как посмотреть, – уклончиво сказал Тю-лип. – Вот у моей жены был постоялец, которому привычка плеватья почем зря, просто так и прицельно, дорого обошлась. Плевака, надо вам сказать, он был изрядный, не чета нам с вами. Метал харчок на метр, а то и на два... вот так!

Он набрал слюны, прицелился и хорошенько харкнул в глаз первому легашу.

– По-ду-ма-ешь! – презрительно протянул тот. – А ты попробуй вот так.

Он плюнул вверх, потом поймал плевков языком, перехаркнул товарищу, тот поймал на лету и послал обратно, они по-жонглерски перебросились им пару раз, потом подключили Тюлипа – он тоже поймал и послал плевков первому легашу, который, наконец, его проглотил и хвастливо сказал:

– Вот так! Знай наших!

– Неплохо, – согласился Тюлип. – Но тот мужик умел еще и не такое. Закладывал, к примеру, в рот кусочки свинца и как нечего делать голубя сбивал на лету Как я уже говорил, он был плевака не простой, а председатель Французского клуба плевак, официально признанного общественно полезным, да еще и генеральный прокурор в придачу! Так вот, однажды его разобрало прямо в суде, когда адвокат распинался, оправдывая своего подзащитного. “Не удержался я, – рассказывал он нам с женой у камелька. – Встал. Прищурился. Нацелился. И залепил ему прямо в раскрытый рот! А потом меня понесло! Я как пошел плеватья! Во всех подряд! Очередями! В обвиняемого! В судей! В присяжных заседателей! В гражданского истца! Ливень! Поток! Водопад! Так прямо вижу, как я влез на стул и смачно харкнул на гладкую макушку председателя суда – он лысый был! Неподражаемый плевков! Упекли меня тогда в тюрьгу на полгода... карьера ко всем чертям... жизнь насмарку... катастрофа!” Разрешите пройти...

Он вежливо обогнул легашей.

– Да, грустная история, – вздохнул кто-то из них за спиной у Тюлипа. – Ах ты!.. Кажись, Тото, я одного упустил!

- Да, точно, упустил, Жюло. А ну-ка, теперь я. Эх!

Дверь со скрипом приоткрылась, и коридор наполнился зловонным дымом.

- Тысяча девятьсот девяносто восьмой! - рявкнул легаш-громадина, пытаясь просунуть голову в щель. - Тысяча девятьсот девяносто девятый! Ну, на сегодня хватит. А то моей бесценной женошке еще все убирать. Двухтысячный!

- Блаженны павшие в той битве правой![10 - Строка из поэмы "Ева" французского поэта Шарля Пеги (1873-1914) в переводе Е. Лукина.] - героически пропищал червяк, принимая смерть под сапогом.

- Иэк! - икнул Тюлип.

- Эх! - вздохнули легашики.

На этот раз они хорошо прицелились, и громадный легаш получил в глаз приличную порцию слюны. Он чертыхнулся, выпустил в отместку несколько особенно вонючих порций дыма и ретировался. А два легашика запрыгали от радости, горячо поцеловались, в обнимку улеглись в свой гроб и задули свечу.

Позор!

Тюлип ощупью пробирался в темном проходе, безуспешно пытаясь найти выход из подземелья, как вдруг очутился у входа в чуланчик. Под сводчатым потолком теплился огонек масляного светильника, сделанного из человеческого черепа. Две скелетины, дылда и коротышка, сидели рядышком на двух дешевых, грубо обструганных гробах. Дылда болтала без умолку, надраивая какую-то кастрюлю, а коротышка слушала, усердно вытирая грязную треснутую тарелку.

- Ты, он ей, значит, говорит, гуляющая девка! Проститутка! Шлюха! Потаскуха! Кулаком на нее замахнулся.

- Позор! - возмутилась коротышка.

– Ага. Но ударить не ударил. Она ему в ноги, колени обнимает. Мы с Сидони в коридоре со смеху прям помирали. А она рыдает: ах да ох! “Разбей меня, любимый! Разбей, но дай быть рядом с тобой!” А он завопил: “Так я и сделаю!” Схватил черепушку – и шварк! Правда разбил. “Вот так! Так! – она стонет. – Разбей еще раз! Вдребезги! Бедняжечка ты мой!” Ну, он больше бить ничего не стал и даже помог ей подняться.

– Позор! – воскликнула коротышка.

– Ага. Тут он давай ее жалеть: “Пусечка моя! Тебе больно!” А она плачет-заливается, икает сквозь слезы: “Разбей, разбей меня! Как я разбила твое благородное сердце!” Он затряс головой – нет, дескать, сердце его не разбилось, и благородство никуда не делось. А потом вдруг заскулил пощеньячи. Взял ее руку и обцеловал мелкими поцелуйчиками, с охами, вздохами, слюнями и соплями...

– По-зор! – вскричала коротышка.

– Ага. “Прости меня, детка, – говорит, – это я виноват. Я забросил тебя, уделял тебе мало внимания! Моя бедная крошка!” А она завывала по-волчьи: “Нет, нет, любимый! Не жалея меня! Швырни меня на землю! Растопчи, смешай меня с грязью!” А он бряк на колени, ноги ей целует, умоляет простить. Что самое смешное, эта комедия повторяется седьмой раз и заканчивается одинаково. Первый раз был молодой художник, новенький, только-только его похоронили, второй раз – смазливый альфонс...

– Стыд и позор! – убежденно воскликнула коротышка.

– В третий раз она сбежала с одним подонком из общей могилы. С самоубийцей! Старикан отыскал их на другом конце кладбища: они две недели беспробудно трахались в обшарпанной могиле, которую сдавал какой-то нищий. И он же, старикан, еще и счет за них оплатил!

– Порядочные мертвецы так себя не ведут! – покачала головой коротышка. – Позор!

– И у этой шлюхи еще хватает наглости орать, что я ее обсчитываю! Оно, конечно, так и есть, но не ей меня упрекать!

- Позор! – припечатала коротышка.

- Так я ей, знаете, что сказала? “Вы, говорю, мадам, дешевка, сучка, прошмандовка, общемогильская подстилка, тьфу!” А она мне про Страшный суд да про знакомого префекта полиции.

- Позор, – отрезала коротышка.

- Так я ей, знаете, что в ответ?

Коротышка не знала.

- Я ей в ответ: чихала я на вашего префекта! Мне дела нет, что вы с ним тоже путались...

- Тоже! Так и сказала – тоже! – всплеснула руками коротышка.

- Ага, так и сказала – тоже! Мне дела нет, что вы с ним тоже путались, с этим самым префектом полиции, меня не испугаешь! Бесстыжая дешевка, сучка, общемогильская подстилка, тьфу! Она и присмирела: де, может, все и правильно посчитано, а она сама ошиблась. Вы вытерли тарелку, дорогая? Тогда спокойной ночи!

Коротышка зевнула, юркнула в гроб и натянула крышку. Дылда тоже собралась на боковую, но тут увидела Тюлипа – он стоял, руки в карманы, и безмятежно на нее глядел.

- Какой красавчик! – сладко проворковала дылда. – Просто душка!

- Хе-хе! – усмехнулся Тюлип. – Люблю худышечек. Вроде бы не за что взяться, а как до дела дойдет – огонь!

Он подступил к скелетине, приобнял ее за талию...

- Позор! – раздался сзади гневный голос.

Это коротышка приподняла крышку своего гроба, высунула дырявый нос и наблюдала за ними с живым неодобрением в глазницах.

– Не суйтесь, куда не просят! – взвизгнула дылда и поспешно нырнула в гроб. – Молодой человек спросил у меня дорогу.

Она яростно захлопнула пыльную крышку гроба. А коротышка тем временем с любопытством разглядывала Тюлипа.

– По сути, этот гроб – не такое жесткое ложе, как может показаться, – обратилась она к нему – А уж я до чего горяча!

– Позор! – раздался сзади раздосадованный голос. И коротышка тотчас спряталась под крышкой.

Юркая крыса, виляя, как заговорщик, перебежала через весь чулан.

Майн гот!

– Здорово, камерад!

Тюлип ойкнул, крутанулся на месте, как волчок, и очутился нос к носу с хорошеньким покойничком, который выскочил из гроба и стоял, как аист, на одной ноге, поджав другую. Он был похож на куколку в увешанном орденами мундире. Лысая, размером с кулачок, головка, пухленькое личико, в правом глазу монокль, левый – с полуспущенным, как у курицы, веком.

– Майн гот! Живой человек, какое счастье! Я так рад, так рад. О, майи гот!

– Боши, вон! – благим матом заорал Тюлип и показал ему задницу.

– Майн гот, зачем вы так? – обиженно проговорил симпатяга покойничек. – Мы вас так любим, зо зер, зо зер![11 - Начало пассажа, который повторяется в романе “Европейское воспитание”.] Помню, накануне мобилизации я гостил в

замке барона фон Гогенлиндена. Прекрасный праздник, отменные вина, хорошая музыка и молоденькие мальчишки... ммм... какие мальчишки... – Монокль его вспыхнул ярким блеском, правый глаз совсем закрылся, по лицу разлилось выражение полнейшего блаженства. – Беленькие, нежненькие, такие лапоньки... чисто амурчики! Амурчики и есть!

Но я ничего не видел, сидел, печальный, в углу зала и плакал навзрыд...

По его розовым щечкам скатились слезинки.

– Бей заклятого врага! – не унимался Тюлип.

– Увидал меня кронпринц, милейший кронпринц Август, мой добрый друг, теперь уж такой дружбы не бывает, – увидал и говорит: “Что с тобой, Бонцо, отчего ты платчешь?” – “Ах, Гутти, Гутти, – отвечаю я. – Я платчу из-за войны. Не хочу я, Гутти, воевать с Францией!” – “Ах, Бонцо, – говорит на это кронпринц, – лучше замолчи, не надрывай мне душу! Я и сам не хочу воевать с Францией!” Я поднимаю голову и – ах, что я вижу! – незабываемое зрелище: кронпринц Август платчет! Та-та, он платчет, потому что должен воевать с Францией! Такими вот слезами... – Он вытянул палец. – Слезами истинного аристократа! Вокруг музыка, танцы, шампанское, красивейшие юноши Берлина – амурчики, чисто амурчики!.. – а мы с кронпринцем ничего не видим, сидим и горько платчем! Такими вот слезами. – Он снова вытянул палец. – Та-та! Слезами истинного аристократа. И вдруг – кого я вижу? Барон фон Гогенлинден собственной персоной! Вельможа! Красавец-мужчина! “Отчего вы платчете, ваше высотчество?” – “Ах, Фриц, Фриц, – говорит кронпринц, – мы платчем из-за войны. Не хотим воевать с Францией! Мы хотим помогать французам! Всем сердцем! Всею душой!” – “Ах, ваше высотчество, ваше высотчество, – говорит барон. – Бедная, несчастная Франция!” И тоже давай плакать. Вот такими слезами. – Он вытянул палец. – Слезами настоящего аристократа.

– Бей бошей, бей бошей! – вопил Тюлип. – На Берлин, ура!

– И вдруг... кого я вижу! Подходят супруга и дочка барона. – “Отчего вы так платчете?” – “Ах, Пупхен, ах, Гретхен! – отвечает барон. – Мы не хотим воевать с Францией! Ах-ах-ах!” – “Ах-ах-ах!” – сказала Пупхен. “Ах-ах-ах!” – сказала Гретхен, и обе тоже в слезы. Славные женщины! Благородные души! И тут все милые юноши и все гости нас окружили. “Ах, отчего вы так платчете? Ах,

отчего?” – “Ах, оттого, что не хотим воевать с Францией. Мы любим Францию всем сердцем! Ах-ах-ах!” – “Ах-ах-ах! – запричитали все хором. – Ах, какое несчастье! Бедная, несчастная Франция!” Какое зрелище! Никогда не забуду! Кронпринц рыдает, и барон рыдает, рыдают Пупхен с Гретхен, рыдают гости и лакеи, рыдают музыканты; все платчут и рыдают в три ручья. “Ах, Бонцо, – говорит мне тогда кронпринц. – Ты имеешь влияние на кайзера, моего августейшего отца, поговори же с ним, спаси Францию, Бонцо!” Ах, золотое, золотое сердце у нашего храброго Гутти!

Лицо его дрогнуло и расплылось в умиленной улыбке.

– Бей, убивай заклятого врага! – надрывался Тю-лип. – Рви его сердце! Жри печеньку!

А симпатяга покойничек знай себе продолжает:

– И вот мы пошли во дворец. Приходим – стража отдает нам честь. Идем вверх по лестнице, нас вводят в зал, и... – о, майи гот! Какое зрелище! Никогда не забуду! Хох, хох, сам кайзер сидит и платчет, а рядом с ним Людендорф сидит и платчет. А рядом с ним фон Клюкен-Похмеллинг сидит и платчет, и фон Мольтке сидит и платчет, весь генеральный штаб сидит и платчет! Такими вот слезами. – Он вытянул палец. – Та-та, слезами истинных аристократов! “Ах, Бонцо, либер Бонцо! – говорит его величество. – Мы все тут платчем – как не плакать! И наше сердце, императорское сердце, разрывается – хох, хох, драймаль хох! – от мысли, что придется воевать с Францией. Бедная Франция, Бонцо! Ах, бедная, несчастная Франция!” – “Ах!” – произнес я в ответ, “ах!” – произнес кронпринц, “ах! ах!” – произнесли фон Мольтке и фон Клюкен-Похмеллинг. И мы всю ночь проговорили о прекрасной Франции и плакали, плакали... вот такими слезами. – Он вытянул палец. – Та-та! Слезами истинных аристократов!

– Убивай, убивай, убивай вражье племя! – визжал Тюлип и носился вокруг гроба, исполняя воинственную пляску скальпа.

– Но вот... прошло четыре года. И ах! – вздохнул симпатия покойничек. – Какое зрелище, майи гот! Никогда не забуду! Берлин в крови! Орущая толпа! Бунт, революция! Все пошатнулось, рухнуло, все гибнет! Дворец осажден, кайзер в опасности, генштаб в опасности! И кто же охраняет императора? Кто охраняет генеральный штаб? Я! Я! Бонцо фон Громм-Отводен! Застыл – со шпагой наголо и пистолетом наготове. И вдруг... что я вижу? Дверь в кабинет его величества открывается настежь и... о майи гот! – какое зрелище! Никогда не забуду! Выходит кайзер, а за ним фон Людендорф, фон Клюкен-Похмеллинг и фон Мольтке. “Отважный Бонцо! – кричат они мне хором. – Спаси нас! Спаси императора!” И я, оберлейтенант Бонцо фон Громм-Отводен, что я делаю? Я опускаюсь на колени и – с саблей в одной руке, с пистолетом в другой! – кричу сквозь слезы: “Ваше императорское величество! Фюр майнен кайзер унд Гогенцоллерн, кемпфен унд штербен! Сражаться и умереть! Драймаль хох!” И – прыг в окно! И его величество – прыг! – в окно, а за его величеством – прыг! – фон Людендорф, прыг! – фон Мольтке и фон Клюкен-Похмеллинг. Все – прыг в окно! Весь генеральный штаб – прыг в окно! Я! Спас! Императора! Спас генеральный штаб! Драймаль хох! Ура оберлейтенанту Бонцо фон Громм-Отводену!

Он опустил поджатую правую ногу, щелкнул пятками и вытянулся по стойке “смирно”. Из него посыпалась густая пыль.

– Смерть бошам! – упрямо голосил Тюлип.

Он повернулся и с гиканьем бросился в потемки.

Девочка

– Пойдешь со мной?

Тюлип резко остановился. Голос был женский, утомленный до крайности. И прозвучал совсем близко.

– Нет! – прошептал Тюлип и попятился.

– Пойдешь со мной? – настойчиво спросил голос. – Ты что, мам, не слышала? – тихо проговорил такой же близкий детский голосок. – А я слышала: он сказал “нет”!

– Пойдешь со мной? – упорствовал женский голос, не меняя тона.

Чувствовалось, что женщина готова снова и снова повторять свой вопрос.

– Но, мама, он же сказал “нет”! – нетерпеливо возразил детский голосок. – Неохота ему. Ты что, оглохла?

За поворотом подземного хода забрезжил огонек. Появилась женщина со свечой в руке. Ей могло быть лет двадцать или тридцать, а то и все пятьдесят, но не больше шестидесяти. Лицо мертвенно-бледное, без всякого выражения. Две пряди белесых волос свисали на глаза, застывшие словно бы от удивления, язычок свечного пламени придавал им стеклянный блеск. На женщине был засаленный халат такого же грязно-соломенного цвета, что и волосы. Видать, потому она его и выбрала. Незапахнутые полы халата выставляли напоказ жеваную комбинацию, еле прикрывающую плоские, обвислые, похожие на пустые мешочки груди, и бледные, тощие, корявые колени. Свободной рукой она прижимала к себе девочку, до странности на нее похожую: те же белесые пряди, то же невыразительное лицо с ошарашенной гримасой полузадушенной курицы в затянувшейся агонии, те же глаза навыкате. Такой же, как у матери, засаленный халат, такая же жеваная комбинашка, грудей еще нет, зато колени точно такие же: до жути бледные, тощие и корявые. Тоненькими, как спички, ручками, девочка обхватила материнскую шею, и вот так, крепко-крепко прижавшись друг к другу, точно перепуганные, загнанные дикие зверьки, они предстали перед Тюлипом.

– Пойдешь со мной? – взялась за свое женщина.

Свеча в ее руке дрожала.

– Не-ет! – выдавил из себя Тюлип.

– Скажи: пойдешь со мной, дорогуша? – быстро прошептала девочка на ухо матери. – Надо им всем говорить “дорогуша”. Скорей подействует.

- Пойдешь со мной, дорогуша? - послушно повторила женщина.

У них и голоса были похожи. Только по движению губ и угадаешь, которая говорит.

- Нет, нет! - упирался Тюлип.

- Скажи, что у тебя есть мягкие подушки! - лихорадочно нашептывала девочка. - Скажи, что с тобой все можно.

- У меня есть мягкие подушки. Со мной все можно.

- Нет... нет, - лепетал Тюлип.

Он уперся спиной в ледяную стенку - стоп.

Свеча в руке у женщины дрожала все сильнее, отчего кругом плясали юркие тени.

- Давай, покажи ему что-нибудь скорее! - закричала девочка. - Скорее! Он уйдет!

- Гляди! - сказала женщина, задирая юбки.

- Фэ-э... - поморщился Тюлип.

- Подставь ему зад, да отклячь посильнее! - вопила девчонка.

- На! - Не опуская юбки, женщина неуклюже повернулась задом.

- Улыбнись, да пошире!

- Вот! - Женщина снова развернулась и скорчила жуткую гримасу.

- На помощь! - завопил Тюлип и с воем рванул со всех ног мимо кошмарной парочки и дальше, дальше...

– Стойте, месье, стойте! – крикнула девочка и попыталась ухватить его на бегу. – Может, я вам больше понравлюсь? Может, со мной пойдете? Может... Месье! Месье! Слишком поздно, ушел... Вот тебе, дура!

Тюлип услышал звук пощечины и подавленный стон.

– Ду-ра! Бестолочь! – бесилась девчонка. – Упустила его! Не смогла удержать! На тебя уже никто, даже мертвец не польстится! Крыса и та сбежит! Ушел... Ну, что мы будем завтра есть?

– Знай я, что и на том свете будет то же самое, – плачущим голосом сказала женщина, – не стала бы умирать. Не открыла бы газ!

– Ушел, он ушел! – причитала девочка. – Вот ду-ра!

Вскоре голоса смолкли. Тюлип долго бежал, потом шел шагом и наконец остановился, еле переводя дух. Пот лил с него градом. Он утер его дрожащей рукой. И даже попробовал пошутить:

– Никогда не сказал бы, что эта шлюха мертва! Право слово! Еще немного – и поцеловал бы ее в губки!

Он зашелся судорожным смехом. В потемках смех метался меж каменных стен и гулким эхом возвращался обратно, словно исходил из огромной разинутой глотки – хохочущий мрак...

– То-то была бы промашка! – фальцетом пискнул Тюлип, пытаясь обуздать дрожь в коленках. – Так промахнуться очень скверно. И опасно. Я-то знаю! Вот у моей жены был постоялец, который, помню, так и влип! Он жил в комнате напротив другой, которую снимала одна потаскушка, девка с панели. Вроде той, что мне попалась только что! Хи-хи-хи! Ой, не могу, уписаюсь...

Он расстегнул ширинку и помочился. В темноте журчала по камням струя и стучали его зубы.

– Но девчонка при этом славная. Платила исправно. А деньги не пахнут. Вернее, пахнут... И недурственно, хи-хи! Так что жена помалкивала и только требовала,

чтобы “девица, как приходит, хорошенько вытирала ноги”. Ну, ноги она вытирала хорошенько, и супружница моя была довольна. А рядом с ее комнатой была наша с женушкой спальня. Ну и вот, однажды ночью этот квартирант задумал подкатиться к цыпочке да чуток с ней позабавиться. Но ошибся дверью, бедняга, и ввалился к нам. Я не спал, лежу себе и вдруг слышу – кто-то крадется по-волчьи мимо моей кровати и – плюх! – ныряет в женину койку! Да ну нашептывать всякие нежные словечки. Я понял, что он промахнулся, но молчу... потеха! Затаился и слушаю, как он там крякает и пукает в любовном пылу. “О-о! – стонет. – Милая! Ого-го!” И старуха моя ему вторит: “О-о! Милый! Ого-го! Вот это, – говорит, – я понимаю, любовь! Слушай, Тото, да бери пример, старый ты хрыч!” А надо вам сказать, моя супружница, хоть ей пошел седьмой десяток, пердит как из пушки, ей-ей! Прямо канонада! В общем, они наяривают вовсю, а я слушаю и про себя ухмыляюсь: то-то рожу он скроит, когда увидит, какая промашка вышла! Ну, возня все тише, стихает совсем, он вздыхает: “Мими, дорогая!” А жена ему спокойненько: “Я не Мими. Меня зовут Фернанда!” Красавец наш как взвояет, как вскочит с постели, как зубами заклацает! “Как так? Кого ж я дрючил?” – “А вот кого!” – я говорю и включаю свет. Стоит он такой, в чем мать родила, хрен висюлькой, зенки вылупил – то на меня глянет, как я со смеху помираю, то на мою старуху, она тоже корчится, аж лохматка трясется, – посерел, позеленел, волосы на себе дерет, заорал благим матом да такую истерику нам закатил – водой отливать пришлось, чтоб очухался... Мы с женой еще долго этот финт вспоминали, всем соседям рассказали, они тоже надрывали животики. А жилец в конце концов от нас съехал, не выдержал – весь квартал над ним насмеялся... Так и было, ей-ей! Скверное это дело – промахнуться. И опасное! Брр!..

Газовый шантажист

Тюлип сжал зубы, чтобы не слышать, как они стучат. Тогда у него начала трястись вся голова. Все же постепенно он успокоился и еще раз от души помочился. Тут ему совсем полегчало, и он уже вытянул руки, чтобы ощупью двинуться дальше в кромешной тьме, но вдруг – крысиный писк, кошачий мям, взмах крыл летучей мыши, – и три мерзейших скелета, откуда ни возьмись, возникли посреди прохода и, хрустя костями, опустились на корточки около заросшего мхом могильного камня. Маленький жевал кусок голландского сыра, большой держал перед собой истекавшую воском свечку, а средний что-то рассказывал.

– Ну да, – веско сказал он скрипучим женским голосом, – последний раз мне разрешили выйти на поверхность... года два, что ли, тому назад. Или, может, чуть меньше... Под землей время летит так быстро! Во всяком случае, тогда еще у меня оставалось достаточно мяса на костях, чтоб можно было показаться на глаза живым. Хотя черви к тому времени уже завелись, а внутри так и вовсе все изъели: сердце, брюхо, печенку... Кишмя кишки, ползали, извивались, щекотались, в костяшки забирались... страшное дело, как эти твари костный мозг обожают! Самое для них лакомство. Но снаружи-то еще было не видать. Разве что в метро от меня пованивало. Так, самую малость! Первым делом я, понятно, к деткам своим побежала. Всех навестила: Кармен, Ноэми и Жюло... Думала, им приятно будет, они же так любили свою мамочку! Начала с младшенькой, с Кармен. Их с мужем тогда еще из старого дома не выкинули, но, похоже, к тому шло – я, как вошла, на хозяина наткнулась. Маленький такой, толстенький, с бакенбардами. Консьержку распекал за то, что уголь у него воровала. Латижели, говорите? Сейчас узнаю, дома они или как. “А зачем вам Латижели?” – консьержка спрашивает. “Вам-то, – говорю, – что за дело? Может, я мамаша ихняя”. – “Мамаша? – говорит хозяин. – Так может, вы, дамочка, заплатите за них желаете? А то они уж целый год как не платят!” А я ему: “Сами вы дамочка! Что ж вы их на улицу-то не выставите?” – “Чего-чего?” – он спрашивает. А консьержка ахает: “Ну и ну!” И вылупились на меня оба. “Чего, – говорю, – уставились?” – “Да так, – хозяин говорит, – ничего. Мы-то, – говорит, – думали, вы взаправду мамаша ихняя”. – “Мамаша, – говорю, – и есть. И что с того?” – “Да так, – говорит, – ничего. Мое дело сторона. Но коли уж вы к ним идете, передайте: еще раз кто-нибудь из их паршивцев на лестнице напрудит или кучу навалит, шею сверну!” – “Во-во!” – консьержка поддакивает, а сама меня оглядывает да принимает. “Чего, – спрашиваю, – опять уставилась, гусыня? Мое, что ли, дерьмо на лестнице?” – “Сама гусыня! – отвечает. – Дерьмо-то не твое, но ты его, похоже, жрешь!” Я ей: “Шалава!” Она мне: “Ханжа!” Я ей: “Мразь!” Она мне: “Стерва!”

– Господи помилуй! Агониза, милочка! – вскричал большой скелет, взмахнул свечой и стыдливо прикрыл лицо. – Какие ужасные слова! Вы вводите нас в краску! Правда, Падонкия, милочка?

Скелет с голландским сыром открыл было рот, но, не найдя что сказать, снова стал шумно жевать.

– Что хочу, то и говорю, Полипия, милочка! – огрызнулась рассказчица. – Так вот, я, значит, ей: “Мразь!” А она мне: “Стерва!” Мы бы собачились и дальше, да

вмешался хозяин. “Хорош! – говорит. – Не заводитесь. А вы, мадам, скажите там, чтоб через две недели духу их тут не было. Не надо мне от них и денег, пусть только убираются! Терпеть не могу малявок!” Плюнул на пол и пошел прочь.

– Ну и скотина этот ваш хозяин! – рывкнул высокий скелет, так что у Тюлипа мурашки по спине побежали, а подземелье ответило гулким эхо. – Ну и скотина! Правда, Падонкия, милочка? Детишки – это же чудесно!

– Да! – с вожделием согласилась пожирательница сыра. – Особенно прожаренные в меру, да с хренком, да с каштановым пюре! Ммм...

Она сочно рыгнула, вздохнула и снова принялась за свой кусок.

– Так вот, – продолжила Агониза. – Он, значит, плюнул и ушел. А я консьержке говорю: “Паскуда!” – и харк ей в рожу. А она мне: “Пададь!” – и тоже харк! Тогда я снова харк! И, чтоб последнее слово за мной осталось, дунула вверх по лестнице и постучала к своим в дверь. Слышу: “Кто там?” – голосок моей Кармен. И тут же голос Люсьена: “Это хозяин, душечка! Я открываю газ!” – “Да погоди, – говорит ему Кармен, – вдруг он нам даст последнюю отсрочку!” – “Не даст, не даст! Нет, душечка, я открываю газ!” А Кармен отодвинула засов, видит – это я. “Ой, мама! Это мама!” – говорит, а сама побелела. Я ее потрепала по щечке, гляжу, а из другой, полуоткрытой двери высунул голову Люсьен. Как увидал меня, как заорет: “Батюшки-светы! Газ! Открываю газ!” Тут у него между ногами пролез малец, бегом к Кармен и ну тянуть ее за юбку. Она: “Чего тебе, малыш?” А он, сопляк, хихикает: “Да вот Жожо опять сожрал...”

При этом слове скелет с голландским сыром отчаянно заскрежетал костями:

– Что, что сожрал?

Большой скелет рывком вскочил, крутанул пируэт и тоже крикнул:

– Да! Что же? Говорите скорей, Агониза!

– Так не перебивайте меня каждую минуту! – с досадой взвизгнул третий. – “Да вот, – сопляк хихикает, – Жожо опять сожрал... пуговицу от своих штанов!”

- Ммм... – со вкусом протянула пожирательница сыра.

- Кармен всполошилась, побледнела еще больше: “Он же умрет! Несчастное дитя умрет! Люсьен! Люсьен! Не стой столбом! Сделай же что-нибудь!” А он стоит и хлопает глазами, весь тоже белый. “Я только одно могу, моя душечка, сделать – открыть газ!” А малец ему: “Задолбал ты нас своим газом!” – и ухмыляется. “Слышишь, душечка? – это уже Люсьен моей доченьке. – Нет, ты слышишь, что несет твой сыночек!” – “И правильно! – я говорю. – Ничего с молокососом не сделается. Не помрет. А и помрет – одним ртом будет меньше, не беда!” Кармен бледнеет еще пуще: “Мама!” А Люсьен говорит: “Слышишь, душечка? Нет, ты слышишь, что несет твоя мамаша? Я открываю газ!” Но не тронулся с места. А малец, руки в карманы, говорит им: “Не знаю, – говорит, – что вам обоим не понравилось! По мне, так она клевая!” И дерг мать за юбку: “Это что, моя бабка?” – “Ну да”. – “Вот здорово! Мне бы такую цыпочку! – малец-то говорит. – Матерая. Небось работает как зверь!” А я и говорю дочурке: “Кармен, доченька, малыш-то – вылитый покойный твой папаша. Держи, – говорю, – сорванец! Выпей за мое здоровье!” И даю ему монетку двадцать су. Он цап! – и поскорей ее разглядывать, ощупывать, обнюхивать, подкидывать... на зуб попробовал, одобрил, сплюнул и юрк назад между отцовских ног. А Люсьен говорит: “Слышишь, душечка? Нет, ты слышишь, что несет твой сыночек?” – “Да слышит она, слышит, – отвечаю. – Вы нас уже достали! Шли бы уж, что ли, открывать свой газ!” А он мне: “И открою! Слово чести! Но у меня тут кой-какой должок остался! Хи-хи-хи-хи!” И ржет, да так, что глаза закатились и зубы стучат. “Кармен, – говорю, – он, что ли, тронулся?” А она: “Ничего он не тронулся! Но ты же знаешь, он уже пять лет как ходит без работы”. А тут малец опять выныривает у папаши между ног: “Мама, мама! – кричит. – Вот потеха! Я дал Жожо спички, а он их сожрал!”

- Ммм! – облизнулась пожирательница сыра.

- Люсьен опять свое: “Я открываю газ!” – и ни с места. А Кармен побелела: “Боже мой! Зачем, Нене, ты дал малютке спички? Целых сорок сантимов коробка, а в доме денег нет, ты что, не знаешь?” А тот ей важно так: “Не в деньгах счастье! И потом, я ж не думал, что он их сожрет. Я думал, только так, пожар устроит, да и всё!” А Люсьен: “Слышишь, душечка? Нет, ты слышишь, что несет твой сыночек?” А Кармен в слезы: “Кто, как не ты, мне его заделал!” А я: “Что правда, – говорю, – то правда. Детишек делать, это вы умеете!” Люсьен опять: “Я открываю газ! – Аж зубами скрежещет. – Кто виноват, что ваша дочь, только тронь, сразу и забрюхатеет?” – “А кто вас просит трогать? – говорю. – Кто вас

просил на ней жениться?” Он: “Ха-ха-ха! Слышишь, душечка? Опять твоя мамаша завела свою старую песню!” – “Никакая, – говорю, – это не песня, а чистая правда! Зачем вы увели Кармен, мою малютку! Она мне так была нужна!” А он: “Нужна, конечно! Чтоб на панель послать! Я открываю газ!” А я ему: “Повесьтесь лучше – дешевле обойдется!” А он: “Как ни крути, а похороны, дорогая теща, оплачивать-то вам!” – “Еще чего! – я говорю. – Безработных никто не хоронит. Выкидывают вон к чертям собачьим!” Он чуть не захлебнулся. “Слышишь, душечка?! Нет, ты слышишь, что несет твоя мамаша?” А тут опять малец пролез между отцовских ног: “Хватит вам уже лаяться! Жожо опять сожрал носок!”

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию (<http://www.litres.ru/romen-gari/vino-mertvecov/>) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

notes

Примечания

Здесь и далее цитаты из “Жизни и смерти Эмиля Ажара” в переводе И. Кузнецовой. (Здесь и далее – прим. перев.)

2

См. Мириам Анисимов. “Ромен Гари. Хамелеон”. Изд-во “Деком”, 2007.

3

“Смысл жизни” – опубликованная в 2014 г. в издательстве “Галлимар” расшифровка последнего интервью Ромена Гари канадскому радио.

4

Имеется в виду финал романа Эмиля Ажара “Жизнь впереди”: старая мадам Роза ушла умирать в подвал, где она пряталась во время оккупации (“еврейское логово”), и долгое время там лежал ее разлагающийся труп.

5

“Ночь будет спокойной” – автобиографический текст в виде придуманного диалога с Франсуа Бонди, другом детства Гари, который дал согласие на то, чтобы Гари сам сочинил и вопросы, и ответы.

6

В настоящем издании 22 таких эпизода выделены как отдельные главы.

7

Перевод Э. Березина.

8

Разделение текста на главы и сами названия глав принадлежат публикатору романа Филиппу Брено.

9

В этом месте не хватает слова – рукопись повреждена.

10

Строка из поэмы “Ева” французского поэта Шарля Пеги (1873-1814) в переводе Е. Лукина.

11

Начало пассажа, который повторяется в романе “Европейское воспитание”.

Купити: <https://telnovel.me/romen-gari/vino-mertvecov-kupit>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)